

М. Буравой

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА *

Рассматриваются как проблемы публичной социологии, так и разрешаемые ею общественные вопросы. Современная социология меняет свое содержание и направленность, обращаясь к защите социальных отношений. В фокусе внимания социолога находятся фундаментальные права человека, которые защищают человеческое общество от вмешательства рынков и государства.

Публичная социология, которая будет разрешать насущные общественные вопросы, требует трансформации современной нам социологии. Ключевая идея данной книги в том, что в основе социологии должна лежать забота об обществе как таковом, защита тех социальных отношений, через которые мы осознаем себя как человека. Таким образом, эссе обращены к тем фундаментальным правам человека, которые защищают человеческое общество прежде всего от проектов колонизации со стороны рынков и государств. При подобном рассмотрении социологии, как подчеркивают Джудит Блау и Альберто Монкада в книге *Права человека* (Blau, Moncada 2005), общество больше не может восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Распад общества — будь то гражданская война или голод, тюрьмы или гетто — не может быть предметом какой-либо периферийной специальности или другой узкой дисциплины. Скорее это должно быть фокусом социологического исследования, призванного обозначить угрозы существованию общества.

Что может послужить лучшим примером распада общества в руках рынка и государства, нежели ураган Катрина? Чтобы расставить все точки над «и»: это не было цунами. Как я писал, спустя два месяца после урагана количество погибших составляет 1005 человек, но оно постоянно растет, в ходе того как обнаруживаются новые тела. Однако на соседней Кубе хотя бы один погибший во время урагана, пускай даже такого свирепого, как Катрина, уже считается национальной трагедией. И так и должно быть: воздействия ура-

* Перевод предисловия к книге: Burawoy M. Public sociology for human rights // Blau J., Iyall-Smith K. (eds.) Public sociologies reader. New York: Rowman and Littlefield, 2006.

ганов предсказуемы, кроме того, они отчетливо дают знать о своем наступлении. Но предупреждения были проигнорированы государством, занятым войной за рубежом и подавлением беспорядков внутри страны, приносящим строительству дамб в жертву новым закупкам оружия, а социальную помощь — «безопасности» родины. И как только страну захлестнули волны наводнения, стали подниматься рынки: корпоративная Америка, безусловно, удовлетворит свои аппетиты благодаря бедствию, используя прибыльные контракты по восстановлению Нового Орлеана для нового привилегированного класса. На заднем плане такого восстановления — дешевый труд иностранных рабочих, неочевидность трудового законодательства, выселение местных бедняков и черного населения. Если государство поддерживает процветание корпоративной Америки аутсорсингом, неочевидностью трудового права и лишением социальных прав, «иная» Америка, стоящая по другую сторону от урбанистического апартеида, чья жизнеспособность зависит от этих тяжело завоеванных прав, должна прибегнуть к базовым правам человека как к единственным правам, которые им оставили для защиты.

Можно обвинять того или иного человека — президента Америки Джорджа Буша или майора Наджина; то или иное агентство — Федеральное агентство США по чрезвычайным обстоятельствам или Национальную гвардию; ту или иную организацию, средства массовой информации или различные церкви... Но подобная политика осуждения не учитывает более существенных вещей: общественные мосты рушатся под натиском алчного капитализма. Капитализма, который разрушает все на своем пути, начиная с того, что заболоченная местность идет под недвижимость и развлекательную индустрию, заканчивая добычей нефти в заливе, приводящей к оседанию прибрежного грунта и глобальному потеплению, которое усиливает ураганы, бушующие в регионе. Чтобы справиться с разрушением человеческого общества, нам необходима новая публичная социология, которая объединит государство, экономику и общество, которая опирается на различные дисциплины и не связана по рукам и ногам государством. Это будет социология, говорящая об изоляции и отсутствии сострадания, что, как показал Эрик Клиненберг в книге *Жара в Чикаго*, обнажается во время катастрофы (Klinenberg 2002).

Расовые и классовые войны в США, хотя пока и являются скрытыми, их эффект осязаем. Другая сфера для публичной социологии прав человека — отнюдь не скрытые гражданские войны периода после Холодной войны с их непередаваемыми человеческими страданиями. Оставляя далеко позади Руанду, Афганистан, Боснию и Герцеговину, гражданская война в Судане возглавляет список 10 страшнейших вооруженных конфликтов в мире с 1986 по 2000 г., с числом убитых около 1,3 млн (Ron et al. 2005: 568). Эта цифра не учитывает недавних зверств, произошедших в Дарфуре, — крайне слабо осознанной общественностью войны на западе Судана, которая уже оставила после себя 400 тыс. смертей и 2 млн вынужденных переселенцев. Большинство было убито руками суданского государства и его мародерствующих арабских ополченцев, известных среди местных как «джанджавиды», что значит «черт на лошади».

Не случайно, что военные действия в Дарфуре начались в феврале 2003 г., как только подошла к концу Вторая гражданская война в Судане между так называемыми арабским Севером и африканским Югом, длившаяся 21 год. Повстанческие группы в Дарфуре — «Освободительная армия Судана» (ОАС) и «Движение за справедливость и равноправие» (ДСР) — хотели участвовать в дележе прибыли в ходе мирного соглашения, которое должно было разделить доходы от суданской нефти между элитами Севера и Юга. Кроме того, существовало местное противостояние с кочующими арабскими пастухами, вторгнувшимися на сокращающиеся земли африканских фермеров. Военная клика, возглавляющая правительство Хартума, поддержала арабское население, приняв участие в заговоре джанджавидов, под предлогом подавления повстанческих движений. Суданское правительство превратило Дарфур в зону этнических чисток, таким образом сделав его местом дислокации международных сил, призванных защитить богатые запасы нефти в Южном Судане и уберечь население Дарфура от убийств, изнасилований и мародерства.

США принимали здесь большое участие, как и в прочих эпицентрах социального разрушения. В данном случае они использовали социальную науку, чтобы оправдать свою оппортунистическую политику, которая закрывала глаза на геноцид в Дарфуре. Летом 2004 г. обе палаты Конгресса единогласно приняли резолюции, осуждающие геноцид в Дарфуре. Госдепартамент США должен был представить очевидные доказательства геноцида: намеренной, заранее продуманной попытки уничтожить все население или его часть. Основываясь на опросе, проведенном в лагерях беженцев в Чаде, Колин Пауэлл, в то время занимавший должность госсекретаря США, сделал реальные выводы о существовании факта геноцида со стороны суданского правительства. Это было в сентябре 2004 г. Менее года спустя, в апреле 2005, после ухода с должности Колина Пауэлла, заместитель госсекретаря США Р. Золлик отказался повторить и подтвердить признание в геноциде. Это сопровождалось направлением миссии в Судан, как сообщалось, в целях сотрудничества с суданским правительством в войне против терроризма. Суданское правительство, ранее предоставлявшее убежище Усаме бен Ладану и являвшееся центром операций Аль-Кайды в 1990-е гг., но на тот момент, предположительно, начало развивать крепкое партнерство с ЦРУ.

Одновременно с обновлением связей между суданским правительством и разведкой США появились новые сведения о количестве погибших. Согласно Госдепартаменту США, со времени начала военных действий в Дарфуре погибло от 60 тыс. до 160 тыс. человек, что существенно меньше, чем ранее заявленные цифры. На данном этапе социолог Джон Хейган и его коллеги вступили в войну цифрами, чтобы разоблачить происходящие зверства. Хейган, Раймон-Ричмонд и Паркер возражают, что низкие цифры Госдепартамента США взяты из обманчивых результатов опросов, проведенных различными международными организациями здравоохранения и Министерством здравоохранения Судана летом 2004 г. (Hagan et al. 2005). Эти опросы основывались только на количестве смертей в лагерях беженцев, например, от болезней или голода, поскольку правительство Судана препятствовало

подсчету погибших в результате насильственных действий. Такие подсчеты осуществила команда Хейгана, взяв за основу данные опросов, сделанных в 2004 г. Коалицией международного правосудия при спонсорстве Госдепартамент США, осуществленном в поддержку ранее сделанных заявлений Пауэлла о геноциде в Дарфуре. Опросы проводили в лагерях беженцев в Чаде, где огромное количество людей дали информацию о погибших в деревнях, которые они покинули. Команда Хейгана столкнулась с цифрами, достигающими 390 тыс. погибших, — близкими к другим подсчетам, которые совместно с описаниями военных действий, данными в интервью опрошенных, заставила их прийти к выводу, что геноцид действительно имел там место. Этому заявлению, основанному на высоких показателях смертности, был дан ход в национальной прессе, в разделах мнения в газетах *The New York Times* и *Washington Post*. Тем не менее правительство США продолжало придерживаться своих заниженных цифр, однако без какой-либо попытки оправдаться.

Джон Хейган в совместной с Хитером Шонфельдом и Альберто Паллони работе размышляет о своей тщетной пропаганде публичной социологии вокруг прав человека (Hagan et al. 2006). Во-первых, криминология оказывается недееспособной, когда речь заходит о самом тяжком из преступлений — преступлении против человечества, геноциде и этнической чистке. После того как криминология сделала большой шаг вперед, когда Сазерленд признал преступления юридических лиц, ей необходимо сделать то же самое с государством. Криминология должна вступить в сферу прав человека совместно с демографами, которые занимаются изучением смертности по естественным причинам. Признавая отделение исследований состояния общественного здоровья от фактора насильственных действий, американское государство приняло соучастие в сокрытии преступлений своего периодического союзника — суданского правительства. Правительство США, наряду с ООН и прочими организациями мирового масштаба, не хотело последовательно признать геноцид в Дарфуре, не только боясь нанести обиду союзнику в борьбе с терроризмом и помешать разработке нефтяных месторождений в южном Судане, но и по причине нежелания разворачивать войска в Дарфуре. Как бы то ни было, США приняли участие в защите того, что не имеет оправдания. Как заключил Хейган и его коллеги, правительству, очевидно, станет сложнее скрывать геноцид, если социологам удастся разработать комплексный подход к правам человека, который, например, смог бы объединить анализ государственных преступлений и состояния общественного здоровья. Это была бы лишь малая часть обновления методов социологии, чтобы она соответствовала горячим нуждам эффективной публичной социологии прав человека.

Права человека — Чьи права? Какие права?

Рост числа катастроф, будь то геноцид, гражданская война, военная оккупация, ураганы, глобальное потепление или землетрясения, требует появления публичной социологии прав человека, основанной на профессиональ-

ной социологии, которая не делила бы на части и не лишала бы контекста причин людских страданий. Преследуя цели подобной социологии прав человека, мы не должны смешивать права человека с правами государств и рынков. Как видно сегодня, ведение войны с терроризмом в США, что, в принципе, изначально является проектом по защите прав человека, влечет за собой жертвы среди населения США, подавление геноцида в Дарфуре и оккупацию Ирака. Общественная защита прав человека становится прикрытием для осуществления насилия.

Фактически права человека — разменная монета современных международных отношений, идеология доминирования, осуществляемая США, в особенности как прикрытия для ведения войн и оккупаций, а также применения санкций и военных действий. Они оправдывают жестокости и вторжение в Ирак и Афганистан; являются оправданием для санкций против таких стран, как Куба и Китай, хотя даже более существенны интересы к прибыли, нежели к правам человека, поскольку санкции США против Китая были несущественными из-за страха поставить под угрозу выгодные торговые соглашения.

Права человека явились идеологическим авангардом для оккупации и новой колонизации, будь то в геополитических или экономических целях. Они использовались, чтобы разделить мир на добрый и злой: одни государства защищают права человека, другие — поддерживают терроризм. Даже на собственной территории так называемый «Патриотический акт США» санкционировал нарушение гражданских свобод со стороны Министерства национальной безопасности во имя «высшей цели» — войны с терроризмом. Он лишил прочих права следить за соблюдением прав человека в лагере Гуантанамо-Бэй и в тюрьме Абу Гариб, не говоря о нарушениях, совершаемых в собственных тюрьмах США. Правительство США вынесло пытки и допросы подозреваемых за пределы своей страны в третьи страны, где не действуют законы США. Оно выступило против расширения функций международного суда общей юрисдикции, боясь, что нарушения прав человека будут направлены против действий их солдат в других странах. С абсурдной точки зрения США, права человека всегда нарушаются другими странами и соблюдаются лишь Соединенными Штатами. Они отказались применять систему прав человека и в своей собственной стране, а не только в своих операциях за рубежом, особенно если речь идет о правах маргинального населения — рабочих, расовых меньшинств, иммигрантов. Если дискурс прав человека был дискредитирован в результате использования его в качестве идеологического оружия государства-завоевателя, нельзя ли использовать его против самого этого государства, не может ли он стать базой для публичной социологии? Эссе в данной книге приходят к общему выводу — безусловно, да. Но как?

Преимущества системы прав человека как точки отсчета широко признаны. Кто в конечном итоге может быть против прав человека? Если будет представлена коллективная воля, то ее универсализм, в конечном итоге, может быть противопоставлен любой власти, стремящейся оправдать жес-

токость именем прав человека. Но, «в конечном итоге», часто может означать — после невероятных человеческих страданий. Недостаток системы прав человека — не только медленные темпы их реализации, но и то, что они запятнаны геополитикой. Она может показаться убедительной в США, где население наивно смотрит на действия американской армии за рубежом благодаря низкой информированности, но гораздо менее убедительна в других странах, где обратная сторона нарушений прав человека уже стала очевидной. Зависимым народам демонстративные права человека легко могут показаться еще одной цивилизаторской миссией иностранных сил «освобождения». Имея намеренье завоевать доверие среди угнетенного населения, защитники прав человека должны быть готовы применить это идеологическое оружие против его злоупотреблений со стороны колонизаторов и их сатрапов. В частности, оно должно быть направлено против США как в их империалистических действиях за рубежом, так и во внутренней политике.

Поэтому опасность использования прав человека скрыта в их абстрактном характере. Воспринимаемые словно они принадлежат некоему бестелесному, но реально существующему человеку, права человека могут принимать любые значения, которые им желают придать их распространители. Разъединенные и оставленные на произвол судьбы беженцы из Дарфура лишены каких-либо прав человека, в то время как грабительские государства могут провозгласить себя их истинным голосом. Или возьмем два знакомых примера: подобно избитой женщине, не способной больше выносить жестокость и убивающей своего обидчика, террорист-самоубийца не может восприниматься отдельно от террористического государства, которое не знает ограничений в применении силы, чтобы лишить человека права на самоопределение (Pare 2005). Наличие прав (или их отсутствие) не может существовать вне институтов, которые гарантируются (или отвергаются) последними и которые в свою очередь поддерживают (или оспаривают) последние.

Социология прав человека должна ставить своим первым принципом исследование институционального контекста прав человека. В капиталистическом мире существует три типа институтов: рыночная экономика, либеральное государство и гражданское общество. Каждое обладает соответствующими правами. Рыночная экономика требует прав собственности, свободы купли-продажи и товарообмена. Государство заботится о принудительной стабильности, а либеральная демократия обеспечивает право голоса, равенство перед законом, свободу слова. Напротив, коллективная организация общества защищает право человека на выживание как против товарно-потребительских отношений рынка, так и против жестокости государства. Если первые два института относятся к сфере экономики и политики, то последний, по своим характерным признакам, — к сфере социологии и родственных ей дисциплин: антропологии и общественной географии. Говоря коротко, права человека будут общественно защищены, если станут частью публичной социологии.

Три волны маркетизации, три эры социологии

Взгляд на общество как на вид, обреченный на вымирание перед лицом государственной и рыночной агрессии, впервые встречается в книге Карла Поланьи *Великая трансформация* — классический анализ распада, вызванного рынком. Если первоначально государство содействовало росту рынка в XVIII в. в Англии, то, однажды утвердившись, рынок стал воспроизводить сам себя, стремясь подчинить все прочее интересам своего развития (Polanyi 1944). Овеществление не знало границ, в товар превращались даже те вещи, которые не могут быть таковыми по своей природе, — у Поланьи они фигурируют как «фиктивные товары потребления». Основными среди них являются труд, земля и деньги. Если превратить труд в товар, который свободно продается и покупается, то он потеряет свойственную человеческому труду форму, а впоследствии и свою суть, которая заключается в способности творчески и самопроизвольно воздействовать на природу. Если земля — можно подразумевать под этим окружающую среду — становится товаром для продажи, качество которого ухудшается в интересах дохода, то она больше не будет служить тому, чтобы прокормить человека. В заключение, если сами деньги свободно продаются и покупаются, то бизнес находится под угрозой нестабильности плавающего курса валют. Когда деньги становятся подвержены случайным изменениям в цене, они перестают быть эффективным средством обмена.

Говоря коротко, рынки сами разрушают условия своего существования и порождают обратное движение со стороны общества, ищущего самозащиты. В данной книге Поланьи обращается к тому, как превращение труда в объект купли-продажи в Англии в первой половине XIX в. ведет к формированию общественного контрдвижения. С возникновением рабочих организаций, кооперативов и чартизма появляется попытка наложить ограничения на превращение труда в товар путем установления минимальных правил найма, скажем, длины рабочего дня, ограничивающей прихоть работодателя. Класс землевладельцев пытался уберечь сельское хозяйство от конкуренции, используя тарифы и создавая правовые ограничения на использование земли, а класс предпринимателей (*business class*) стимулировал контроль национальных валют путем создания Центрального банка. Похожие меры защиты от рынка были предприняты несколько позже в Европе и США, на первых порах в них были задействованы политические партии и государство с более поздней тенденцией к их невмешательству в процесс общественной самозащиты.

Это был первый этап социологии, реагирующей на незрелость рынков собственным морализаторством и реформистским уклоном. Можно называть этот период периодом *утопической социологии*. В Англии он был представлен критической мыслью философов-практиков, таких как Роберт Оуэн, в то время как в США утопизм расцвел в послевоенный период. Многие из этих идей уходят корнями в рабочее право, защиту от превращения труда в объект купли-продажи, от трудовой тирании беспощадного рынка. В эпоху «Позолоченного века» социология оставила в стороне дело рабочего класса,

особенно когда экономика, в пределах которой до тех пор развивалась социология, дистанцировалась от критики капитализма и облеклась в профессиональную мантию неоклассической теории маржинализма.

Контрдвижение времен первой эпохи рыночной экспансии было вызвано самоорганизацией общества в XIX в., начавшейся на местах и доросшей до государственного уровня. Согласно рассуждениям Поланьи, в следующем веке произошло новое расширение рынка до международного уровня. Движение за свободу торговли было сдержано Первой мировой войной, но затем оно удвоило свой импульс в 20-е гг. XX в. с достижением золотого стандарта. В 1930-е гг., однако, национальные государства среагировали на угрожающую нестабильность мирового рынка, что привело к крайним реакциям — фашизму, коммунизму (сталинская коллективизация и планирование), Новому курсу Рузвельта и социальной демократии, — все это было методами изоляции от международных рынков и в то же время подчинения национальных рынков государственному контролю. С точки зрения Поланьи, все эти формы государства — разрушение общества или его реконструирование в образе государства — берут свое начало в чрезмерном расширении рынка. В некоторых странах — фашистской Германии или сталинском Советском Союзе — это означало исчезновение социологии как науки, в других, например в США, социология обратилась к сфере политики. Получая средства от таких фондов, как фонд Рокфеллера или Карнеги, а затем и от самого государства во время Великой депрессии, Второй мировой войны и наиболее активно в послевоенное время, научная социология занималась теми вопросами, которые определяли ее заказчики. Это была эра политической социологии, которая занималась социальными правами. В данный период социология, насколько нам известно, определилась со своими базовыми вопросами, а именно, социальным неравенством, приобретением статуса, стабильностью либеральной демократии, участием в организациях и условиями модернизации. Государство и гражданское общество рассматривались как союзники в процессе сдерживания доступа к рыночной экономике.

Ссылаясь на опыт XIX и XX вв., Поланьи приходит к выводу, что урок рынка был усвоен, а именно: рынок требует четкой регуляции, чтобы служить на пользу человеку. Во время написания *Великой трансформации* в 1944 г. ему представлялся социалистический мир, в котором рынок и государство будут подчинены самоорганизации общества. Он был большим оптимистом. XX в. закончился той же приверженностью рынку, с которой начался, — неолиберальным мессианизмом, который превалировал как в идеологии, так и на практике в предыдущие два круга поклонения рынку. Это началось во время экономического кризиса 1970-х гг. и сопровождалось разрушением сил, сдерживающих господство рынка, распадом Советского Союза, переходом к рынку, осуществленным Китайской партией, и медленным разложением социальной демократии в Европе. Третья волна маркетизации, эра неолиберализма, имела столь глобальные масштабы, как никогда прежде, на этот раз подогреваемая межнациональными институтами, такими как МВФ, МТО и Всемирный банк, а также самими государствами, часто организованными

в региональные консорциумы. Контрдвижение в обществе, следовательно, тоже должно было возрасти с местного и национального уровня до глобальных масштабов, чего Поланьи не мог и предположить.

Пока социология выступает в интересах этого контрдвижения, она должна держаться в стороне от государств и даже наднациональных регулирующих агентств, поскольку они больше не противостоят рынку и не сдерживают его, а напротив, стимулируют его расширение. Неoliberalизм и милитаризм стали союзниками в разрушении нашего сообщества. Этот распад можно наблюдать в разных формах: в Дарфуре neoliberalизм закрывает глаза на происходящий геноцид, в Новом Орлеане neoliberalное государство порождает милитаризм, ограничивая социальную помощь. Отдаленно или очевидно, но сосуществование neoliberalизма и милитаризма дает призыв к контрдвижению, которое обращено к общественности всего мира, часто находящей поддержку у НКО и социальных движений. Это период *публичной социологии*, призванной определенно защитить *права человека* в местных сообществах: свободу от разграбления со стороны рынков и государств, свободное право на выживание и свободу самоорганизации. Если трудовые права были завоеваны на поле экономики, а социальные права на поле государства, то права человека должны быть завоеваны на поле гражданского общества. Подобная последовательность прав — движение вверх ко все большей универсальности; если социальные права включают в себя трудовые права, то права человека включают в себя и те и другие. Универсальность прав — это реакция или контрдвижение по отношению к универсализации рынков. Эссе данной книги обращены к публичной социологии, защищающей права человека перед лицом угрозы обществу со стороны третьей волны рыночной экспансии. Права человека — последняя преграда на пути отступления трудового права под натиском прав капитала и минимизации социальных прав перед регулирующим правом государства.

Разрушение трудовых и социальных прав

Широкие параметры публичной социологии Вильям Робинсон (глава 2) определяет как критические глобализационные исследования, принимающие во внимание существование тех организаций, которые Поланьи мог себе только представлять. Это не столько наднациональные политические институты, такие как ООН, ВТО, МВФ и Всемирный банк, сколько развитие транснационального гражданского общества, представленного НКО, движениями по защите окружающей среды и остатками международной солидарности рабочего класса. Джеки Смит (глава 4) указывает на это взаимосвязанное глобальное гражданское общество как на хранилище новых прав, которые соответствуют Всемирной декларации прав человека ООН. Наряду с этими освободительными правами человека появляются новые формы постнационального гражданства, основой которого Джерард Дэланти считает космополитизм. Среди них находятся права, которые принадлежат человеку независимо от национального статуса, — права мигрантов, которые присущи гражданам независимо от их местоположения. Наряду с

адаптацией понятия глобального населения эти права объективно становятся эмпирической основой публичной социологии, защищающей общество от неоллиберальной глобализации.

Можно перечислять движения, которые захватили общественное воображение, как это делают Вальда Катц-Фишман и Джереми Скотт (глава 5), но нужно быть осторожными с преданием ореола романтичности зарождающемуся глобальному гражданскому обществу. Оно все же функционирует на поле, где доминируют могущественные национальные государства. Джеймс Рон, Ховард Рамос и Катлин Роджерс показали, что даже такая уважаемая и независимая организация, как «Международная Амнистия», пользуется информационной политикой, на которую государственная власть, уклон средств массовой информации и размеры военной помощи влияют не меньше, чем объективные нарушения прав человека (Ron et al. 2005). В Судане НКО, Международная Организация Здравоохранения и агентства, контролирующие мирные инициативы, действуют на сложной военной территории, контролируемой суданским государством (Hutchinson 2005). Не менее важны влияния рыночных сил на глобальное гражданское общество, которые выражаются в вытеснении друг друга международными НКО, борьбой за источники доходов, которая делает их жертвами интересов крупных финансирующих агентств (Cooley, Ron 2002). Они становятся смягчающим и противодействующим компонентом по отношению к третьей волне маркетинга. Глобальное гражданское общество подобно двуликую Янусу, будучи очевидно сформированным и связанным с интересами национальных государств и многосторонних агентств, одновременно является полем противоборства с этими интересами.

Настолько же важны глубокие и постоянные трещины внутри транснационального гражданского общества, вызванные столкновениями рынков и государств. Глобальный рынок характеризуется мобильностью капитала, так как он постоянно стремится к наиболее дешевой рабочей силе. Роберт Поллин (глава 6) пишет о предприятиях Глобального Юга, где используется потогонная индустрия, условия труда на которых действительно ужасающие, но где, как постоянно говорится, лучше подвергаться тяжелой эксплуатации, нежели не подвергаться ей вообще. Подобные условия являются продуктом капитализма, который ищет рынки сбыта для излишков продукции, лишая населения доступа к собственным средствам существования, превращая его в избыточное население, находящееся в зависимости от потогонной индустрии. Это возвращение в XIX в., но с известной долей ответного удара: предприятия потогонной индустрии существуют по соседству со странами Глобального Севера, чей богатый и бедный потребитель одинаково использует дешевые товары, на которых не заметны следы пота, следы затраченных на их производство жизней. Поллин высчитал, что росту цен на 1,8 % соответствует 100 % роста зарплат. Это общественная прокламация того, как одни получают прибыль за счет других в мнимом транснациональном гражданском обществе.

Если одна стратегия капитала — поиск дешевой рабочей силы за рубежом, то другая стратегия заключается в импорте дешевой рабочей силы. В США множество рабочих-мигрантов, легальных и нелегальных, бесправных по отношению к практике капитала. Они работают в ужасных условиях торговли одеждой или поденными рабочими на строительстве. Мигрантам может быть присвоен бессемейный статус, а следовательно, работодатели не обязаны выплачивать им семейное пособие. По той же причине, государство выигрывает, избегая оплаты счетов на социальное обеспечение и образование отсутствующих членов семьи. Как пишут Энтони Орума и Арлетт Грабжинка (глава 10), мигранты могут подвергнуться произвольной аннуляции своих прав, неудивительно, что именно они первыми формируют союзы, каким бы ни был их легальный статус. Национальные социальные права отвечают интересам рабочих-мигрантов, подвергшихся маргинализации на второй волне расширения рынка, и отделяют их от основных рабочих движений. Но на третьей волне маркетизации они становятся авангардом проведения кампаний, прототипом широкого ряда лишенного прав рабочего населения, связанного в сетевые группы, которые распространены на всех континентах.

Фактически, приоритетная роль мигрантов может частично объяснять обвинения по отношению к государственному аппарату социального обеспечения. Они могут являться скрытым двигателем всяческих попыток обнажить систему социальной безопасности, которые описывают в своем эссе Диана Ролингер и Джилл Квадагно (глава 7). Если вторая волна расширения рынка привела к развитию всех видов социальной защиты, чтобы защититься от неожиданных последствий превращения труда в объект купли-продажи, то сейчас перед лицом третьей волны маркетизации данные формы защиты разрушаются. Это последствия подчинения социальных прав правам собственности, того, как свобода выбора начинает превалировать над свободой жизни, представляя нас всех владельцами в обществе собственников, игнорируя разницу между владельцами собственности и теми, кому не принадлежит ничего, кроме своего труда. Подобно крестьянам Глобального Юга, рабочие Глобального Севера лишены средств к жизни, но это не означает, что у них есть общие интересы.

Однако существуют ли ценности, вокруг которых могли бы объединиться Север и Юг, Запад и Восток; те права человека, которые они могли бы совместно защищать? Есть только одна вещь, которая угрожает жизни каждого, — это упадок окружающей среды. Отсюда широкое обращение к движению по справедливой защите окружающей среды. Глобальное потепление, токсичные отходы, загрязнение не признают социальных и географических барьеров. Мы все подвержены разрушению окружающей среды. Но не в одинаковой степени. Как показывают Хавидан Родригес и Карла Руссель (глава 11), природные катастрофы имеют неоднородные социальные последствия, подобно социальным и экономическим причинам их появления. Чем более многочисленными и опасными они становятся, тем более неравномерно распределяются затраты на их преодоление. Землетрясение в Пакистане принес-

ло больше жертв, чем землетрясение той же силы в Лос-Анджелесе, а ураган в Гондурасе стал причиной большего числа жертв, чем ураган в США, который в свою очередь имел более высокую смертность, чем ураган на Кубе. Внутри конкретной страны уровень потерь отражает социальную структуру. Нам слишком хорошо известно, что чернокожее население, а также бедные и старики понесли самые тяжелые затраты вследствие урагана Катрина.

Для Кеннета Глоуда (глава 12) очевидно, что затраты на экологическую систему неотделимы от социального порядка. Необходимость экологически здоровой социальной системы делается все более ощутимой, становясь политически невозможной именно потому, что привилегированные расы, классы и нации могут более успешно защитить себя от упадка окружающей среды. Восприятие новых технологий как панацеи не учитывает социальный и политический контекст их разработки и применения. Голд настаивает, что мы должны демократизировать экономические решения, сделав мощные субъекты экономической деятельности и государства ответственными перед общественностью. Сделать риск экологического упадка очевидным в верхах классовой иерархии — единственный способ спасти экосистему от разрушения. Неужели это совсем невозможно?

Анализ воздействия со стороны энергетических НКО на основные нефтяные корпорации, проведенный Симоной Пульвер, вселяет надежду: общественное давление в глобальной сфере делает возможным решение вопросов регуляции климата (Pulver 2004). Сам факт, что европейские нефтяные компании заставили признать эту проблему, вынудил их разорвать отношения с американскими компаниями, что, однако, имеет и превратные последствия, лишая права действия групп по защите окружающей среды, которые вели эту борьбу. Вновь и вновь мы должны остерегаться любой преждевременной радости по поводу отделения глобальной общественной сферы от наднациональных агентств, национальных государств от мощных субъектов экономической деятельности, которые все еще решительно формируют свое поле деятельности и препятствуют его разрушению совещательными процессами.

Защита Прав Человека

Карл Поланьи считал, что опустошение общинной жизни спровоцировано овеществлением труда в Англии XIX в., вызвавшем произвольную самозащиту со стороны общества. Ничего не может быть далее, кроме правды. Начиная с Эдварда Томпсона и заканчивая современными теориями социальных движений, мы знаем, что организация не может быть принята на веру. Неформальные сообщества, кооперативы и разнообразные формы профессиональных союзов возникали, чтобы защитить трудовые права только через развитие классовой борьбы, и их выживание всегда было неопределенным. В XX в. социальные права уже в меньшей степени были результатом борьбы в пространстве национальных политик. Оберегаемые законом и гарантированные государством, они по-прежнему ущемлялись, и не только в Соединенных Штатах Америки. В равной степени, — в том нет ничего естественного, неизбежного или извечного в борьбе за права человека XXI в., — нет закона

спонтанной контргегемонной глобализации. А потому, какие образования могут защитить права человека? И могут ли эти образования способствовать восстановлению трудовых и социальных прав, так же как и продвижению прав человека?

Время, а также и эссе этого сборника относят нас к Организации Объединенных Наций и ко Всеобщей Декларации Прав Человека 1948 г. Какова роль такого наднационального образования в обеспечении сохранности человечества? Джерри Пубантц и Джон Алфин Мур (глава 13) возлагают свои надежды на ООН как на организацию, все более ответственную за глобальное гражданское сообщество, основывающуюся на все шире разворачивающемся круге неправительственных организаций. Их вовлечение в работу трибуналов по военным преступлениям, в деятельность Миротворческих сил, а также в установление глобального, так же как и национального, свода законов — все это подсказывает, что они борются за Организацию Объединенных Наций. Они борются за создание демократического публичного пространства: за форум для дискуссий, выявления ключевых точек мирового кризиса и вмешательства в них с тем, чтобы защитить права человека. Это оптимистический сценарий, согласно которому глобальное гражданское общество, связанное тысячами нитей с ООН, может ограничить или даже препятствовать одностороннему вмешательству государств или ведению внутренних гражданских войн. Но насколько автономны ООН в своих устремлениях? Их действия — это уже не операция по зачистке захваченной территории от противника, даже если они происходят лишь после гражданской войны или в противовес самореализации хищнически настроенных лидеров, разрушающих общества? Так ли строго их интервенция ограничена местными воинствующими группировками или членами Совета Безопасности или Организацией Объединенных Наций?

В связи с этим, Антонио Угальде и Урия Хоумдес (глава 8) не столь оптимистичны по поводу возможностей наднациональных образований в защите социального благосостояния Глобального Юга. Они считают, что Мировой Банк, Всемирная Торговая Организация и Всемирная Организация Здравоохранения в меньшей степени заинтересованы в развитии услуг здравоохранения, а в большей — в продвижении фармацевтической индустрии и ее прибыли, поддерживая бесполезные и дорогие брэнды, а не действенные лекарства. Международные агентства тайно сговариваются с приватизированными национальными службами здравоохранения таким образом, что доступ к их услугам и субсидии направляются преимущественно только к состоятельным гражданам. Мировой Банк, например, тихо, без огласки и общественной дискуссии, договаривается с министерствами здравоохранения о распределении медикаментов. В то же время появляются контрдвижения, типа Народного Движения Здравоохранения или Банкокской Хартии Здоровья, успешные действия одного или двух государств, таких как Бразилия, противодействующих хищническим устремлениям фармацевтических кампаний. Но по-прежнему превосходство на стороне тех, кто защищает овеществление услуг здравоохранения, оставляющих без внимания и страхового обеспечения не только бедных Глобального Юга, но также и 40 млн американцев.

А потому, критически настроенная публичная социология сегодня должна связать несопоставимые общности, сопротивляющиеся связанному движению государства и рынков. Ее целью должно быть создание и развитие общего языка, с помощью которого мы могли бы распознать общий опыт в разных концах мирового порядка. Публичная социология должна распознавать глобальный характер общественных проблем. И она достигнет успеха на этом поприще только в том случае, если увлечет воображение общественности имеющимися альтернативами. И дело не в фантазиях по поводу вариантов или спекуляции на предмет их возможности, а в фокусе на реальные утопии, укорененные в конкретных движениях и организациях. Баптистское Движение, бросающее вызов Мексиканскому государству, или Северо-Американское Соглашение о Свободной Торговле конструируют реальную утопию на основе защиты прав местных сообществ. Так, Кери Смит (глава 9) идет дальше, призывая к защите прав местных сообществ по всему миру. Джудит Блау и Альберто Монкада (глава 14) разворачивают идею коллективной самоорганизации таким образом, что раскрывают общности, связывающие Глобальный Север и Глобальный Юг. Местные сообщества, с присущей им тягой к самоорганизации, сопротивляются вторжению рынков и государств. Основания таких коллективов / сообществ варьируются от осознания истощения общих природных ресурсов до согласованной реакции на общие условия жизни, которые, к примеру, характерны для пригородов крупных городов мира, или базируются на продуманном самоуправлении, как в случае с Монтаго, или на вооруженной организации террористических группировок, разрастающихся в ответ на действия террористических государств. И это реализованные фантазии, валюта публичной социологии, которая мобилизует коллективную волю, мобилизует общественность для развития альтернативных принципов организации.

Публичная социология начинается с дома — Феминизм, Расизм и Обучение

По-прежнему публичная социология должна вернуться к университетам. Ее возможность зависит от признания общественности, что совершенно ново для социологии. Возвращаясь к Дюркгейму или Веберу, мы обнаруживаем социологов, подозрительно относящихся к публике. Дюркгейм, а также вся следовавшая ему традиция рассматривали социальные движения не как голос общественности, а как знак социальной патологии, в то время как Вебер говорил о невразумительной массе, погруженной в иррациональные эмоции, легко управляемые лидерами. То была идея массового общества, а не общества публики. Идея, будирующая социологию Соединенных Штатов после Второй мировой войны, оправдывающая, с одной стороны, замыкание в профессиональной социологии, а с другой, — «прикладную» или политическую социологию, спроектированную для регулирования сфер политики и потребления. Даже Ч. Р. Миллс, самый громкий критик социологии как маркетингового исследования, воспринимал массовое общество в качестве неотвратимой реальности. Он считал критических интеллектуалов только

как значимую и прогрессивную общественную силу. И только движение за гражданские права, а особенно женское движение, внедрили в социологию идею артикулированной общественности, способной рационально отстаивать собственные интересы вопреки общепринятой политике. Теория общественных движений, критическая расовая теория и феминизм произвели революцию в социологии, сделали возможной социологию публики, или публичную социологию.

Барбара Рисман (глава 16) открыто и прямолинейно рассматривает феминизм в роли публичной социологии. Краткая история феминизма свидетельствует, что погоня за социальной справедливостью вполне совместима с распространяющимися и энергичными программами вокруг гендерного неравенства. Их личные феминистские карьеры показали, что они могут поддерживать общественный/ публичный интерес или, по крайней мере, участвовать в общественных дебатах, будучи активными учеными. Самое важное то, что они могут сбрасывать собственный дисциплинарный шовинизм, соединяя разные дисциплины для реализации женских прав, объединяя усилия с другими сверх академическими проектами в защите прав человека. Тому примером — успешная феминистская борьба за привлечение общественного внимания к домашнему насилию, к тому, как «сексуальные притязания», «насилие над женами» и «синдром избиваемой женщины» стали не только общественным, но и официальным предметом обсуждения. Если бы похожие достижения могли быть достигнуты в осознании государственного насилия, по аналогии с тем, что феминистки добились в борьбе с патриархатным насилием, то «смертники» могли бы быть признаны не патологически демоническими личностями, а безысходным ответом колонизаторским государствам.

Тем не менее существует обратная сторона феминистской борьбы в защите женских прав. Легальное признание домашнего насилия ведет к администрированию женских желаний и потребностей, нейтрализующему их долгосрочную политическую эффективность, а иногда и оборачивающемуся против женщин. Опасность заключается в том, что мы теперь живем в постфеминистском мире, рассматривающем мужское подавление явлением прошлого. А потому здесь уже не за что более бороться, даже если стеклянный потолок все еще существует и женщинам за их труд платят существенно меньше мужчин. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в пространстве расовых отношений, в котором общественное движение предположительно преодолело институциональный расизм. Такое заблуждение оспаривает Чарльз Галахер (глава 17). Теперь мы можем наблюдать «бесцветный» расизм, сохраняющийся несмотря на законом признанные права, проявляющемся в забытых афро-американских жертвах Урагана Катрина. Галахер обращается с вопросом, как мы можем поддерживать диалог по поводу прав расовых меньшинств в мире общественности, не желающей слушать.

И здесь существует одна вещь, которую мы можем делать, и это — относиться к обучению как к публичной социологии. Критическая расовая теория и теория общественных движений, точно так же как и феминизм, обращают наше внимание на то, в какой мере мы понимаем и разделяем интересы

подчиненных и маргинальных групп и почему мы посередине революции в обучении социологии. Студенты больше уже не являются пассивными и пустыми вазами, которые мы наполняем жемчужинами социологической мудрости. Они — активные граждане, способные вбирать в себя богатство жизненного опыта, участники общественных дебатов за пределами учебных классов. Анжела Хаттери и Эрл Смит (глава 15) демонстрируют нам, каким может быть преподавание через обсуждение личных стратегий донесения нового опыта до своих студентов, убеждая их устанавливать далекий и незнакомый мир. Они реализуют это с помощью заданий на воображение, в которых от студентов требуется стать участниками незнакомых миров, где необходимо воссоздать мир социального благоденствия. Или другой пример: они берут студентов в экспедицию по Югу и открывают заново движение за гражданские права в ходе интервью с участниками местным сообществ. Это трудоемкое обучение, но с его помощью выстраиваются органичные связи с изолированными сообществами и приобретается непреходящий опыт, глубоко впаянный в студенческий социологический габитус. И это не просто научение публичной социологии, а обучение как публичная социология, продвижение диалога между учителем и обучающимися, между самими студентами, а также между студентами и другой публикой. Обучение — это среда, в которой все мы плаваем, с помощью которой мы все можем стать публичными социологами.

Более того, мы можем задаться обратным вопросом: является ли обучение в таком диалоговом режиме моделью для публичной социологии? Может ли обучение быть метафорой способа более широкого и свободного взаимодействия с публикой, как у Пола Фрейре, например? Если это так, то мы вынуждены двигаться между двух опасностей. С одной стороны, нас поджидают Харибды авангарда: стремление наставлять или, того хуже, диктовать тем, с кем мы связаны. А с другой, — Сциллы кратковременности: сводить все к простейшему общему знаменателю, спонтанному и непроизвольному предубеждению. И органичная публичная социология стремится достичь симметрии, двустороннего разговора между публиками и социологами. И как в любом обучении, так и в публичной социологии опасность заключается в том, что дисбаланс власти угрожает образовательной функции. Учительница среди плененных слушателей, вооруженная массой санкций, слишком легко возвышает себя над студентами. Но даже в ситуации таких ограничений, как показывают Анжела Хаттери и Эрл Смит, можно выстроить продуктивный диалог с помощью стратегии усиления и продвижения (empower) жизненного опыта студента.

Как правило, в мире за пределами защищенной академической сферы публичный социолог обнаруживает, что ей приходится состязаться за внимание общественности с телевидением, фильмами и газетами, обладающими более быстрым доступом и не озабоченным проблемой искажения коммуникации. Публичная социология является более традиционными, а также органичным типом, т. е. в публичной социологии социолог — собеседник, который должен научиться использовать СМИ для реализации собственных

идей. И на этом поприще нам также еще многому предстоит научиться: как лучше всего доносить до собеседников социологические истории (нарративы), чуждые здравому смыслу, истории об общественных силах, где вместо участников индивидуальные мотивы, истории с упором на социальные структуры и институты, затрудняющие и сдерживающие индивидуальную самореализацию.

Воображая (заново) социологию

Публичная социология может начинаться дома, но мы не можем там оставаться — только не в современном мире. Жизнь в эпоху третьей волны рыночной экспансии предоставляет нам специфический набор вызовов и возможностей. Во время первой волны разрушительной силе рынков противостояли местные сообщества, отстаивающие трудовые права, закрепленные скорее традицией и практикой, нежели законом. Вторая же волна маркетизации, развещающая трудовые права, породила встречное движение. И тогда уже государства смогли установить контроль над овеществлением, восстановить трудовые права и установить социальное благоденствие, или социальные права.

Сегодня мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Национальные государства больше не сдерживают рынки, напротив, они их освобождают через прекращения управления промышленностью, приватизацию сферы услуг, сворачивая и нарушая как трудовые, так и социальные права. И вновь общество вынуждено встать на самозащиту, полагаясь лишь на свои ресурсы. Теперь общественная самозащита не ограничивается локальным или национальным уровнем, а распространяется в глобальном масштабе. Соответственно, язык такой защиты должен быть универсальным — язык прав человека, самоопределения, включающего как трудовые, так и социальные права. Эра прав человека открывает эру публичной социологии, т. е. социология сначала обращается к общественности, а уж потом к государствам.

Как в случае с Дарфуром, с чего мы начали, это предполагает понимание локального в терминах государства и глобальных сил. Социология второй волны рыночной экспансии рассматривала государство в качестве единицы анализа, и сейчас оно по-прежнему остается рамкой теоретических размышлений. Но мы уже вынуждены их внедрить в глобальный контекст, что означает рассматривать вещи не только в межнациональной перспективе, но и сквозь призму транснациональных связей, наднациональных агентств и постнационального сознания: в трех терминах, составляющих каркас (рамки) размышлений о правах человека. И дело не в том, что растет масштаб социологических изысканий, а в том, что происходит перестройка внутренних отношений между исследовательскими полями и дисциплинами. Криминология должна соединить руки с общественным здравоохранением, исследования окружающей среды — с изучением социального неравенства и т. д. Наконец, социология обязана объединить силы с другими дисциплинами, озабоченными экологическими катастрофами, гражданскими войнами, голодом, милитаризацией и пр. Социологи долж-

ны вступить в союз с социальными географами, культурными антропологами, с диссидентствующими и инакомыслящими группами в политической науке и экономике — иными словами, с теми, кто осознает общество как ценность, заслуживающую сохранения.

Однако я не предлагаю единую социальную науку. Отнюдь нет. Нам следует поддерживать свойственную социологии критическую позицию, а именно — гражданское общество перед вызовом со стороны экономистов и политологов, преимущественно ответственных за идеологии, оправдывающие заговор рыночной тираннии и государственный деспотизм, а значит, и сокращение (отмену) трудовых и социальных прав. И если мы не следуем методам и моделям обычной экономики и политической науки, то по-прежнему должны многому учиться у них, в частности, тому, как усиливается их влияние через создание ясного и четкого объекта исследования. Успех экономистов в мире политики, а также и среди общественности лежит в четком определении объекта: рыночной экономики, по поводу которого они обладают монопольным знанием, которое в свою очередь определяет автономность/ независимость экономики с ее особыми правами собственности и свободного обмена. Успех публичной социологии будет зависеть от способности социологии создавать собственный объект — общество, а ее проектом могло бы стать ограничение государства и рынков общественной самоорганизацией и защитой прав человека, включая учреждение или восстановление трудовых и социальных прав.

Перевод с английского Ольги Савельевой и Светланы Ярошенко*

Литература

Blau J., Moncada A. Human Rights: Beyond the Liberal Vision. Lanham, MD.: Rowman and Littlefield, 2005.

Cooley A., Ron J. The NGO Scramble: Organizational Insecurity and the Political Economy of Transnational Action // International Security. 2002. Vol. 27. No 1. P. 5–39.

Hagan J., Raymond-Richmond W., Parker P. The Criminology of Genocide: The Death and Rape of Darfur // Criminology. 2005. № 43 (3). P. 525–561.

Hagan J., Schoenfeld H., Palloni A. The Science of Human Rights, War Crimes and Humanitarian Emergencies // Annual Review of Sociology (forthcoming). 2006.

Hutchinson Sh. Perverse Outcomes: International Monitoring and the Perpetuation of Violence in Sudan. Unpublished Manuscript. 2005.

Klinenberg E. Heat Wave: A Social Autopsy of Disaster in Chicago. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

Pape R. Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism. New York: Random House, 2005.

Polanyi K. The Great Transformation. New York: Farrar and Rinehart, 1944.

Pulver S. Power in the public sphere: the battles between oil companies and environmental groups in the UN Climate Change Negotiations, 1991–2003: Ph. D. Dissertation. Berkeley: University of California, 2004.

Ron J., Ramos H., Rodgers K. Transnational Information Politics: NGO Human Rights Reporting, 1986–2000 // International Studies Quarterly. 2005. No 49. P. 557–587.

* Волонтер службы переводов для НКО Немецко-Русского обмена (Санкт-Петербург).